

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'33:811.161.1+811.133.1

Фреймовый анализ понятия «красота» в русской и французской лингвокультурах: гендерный аспект

¹ Зиба В.С.,

¹ Волгоградский государственный университет

Аннотация: статья посвящена фреймовому анализу понятия «красота» в русской и французской лингвокультурах, особое внимание уделяется гендерному аспекту. Исследование направлено на выявление языковых средств, репрезентирующих мужскую и женскую красоту в двух культурах на примере термина «лицо», с использованием метода фреймового моделирования. В работе обосновывается выбор фреймового подхода, который позволяет систематизировать абстрактное понятие красоты через слоты и их значения. Разрабатывается структурная модель фрейма «красота», включающая субфреймы «красота (человек)», «красота (животные)», «красота (природа)» и «красота (артефакты)». Основное внимание уделяется субфрейму «красота (человек)», который детализируется через слоты «внешность», «манеры поведения» и «дополнительные характеристики». Результаты исследования демонстрируют значительные различия в восприятии красоты между русской и французской лингвокультурами. В XIX веке французские описания акцентируют классические идеалы, тогда как русские сочетают физические параметры с психологическими и социальными аспектами. В XX веке наблюдается унификация подходов, когда красота становится менее детализированной, а её описание смещается в сторону психологической и контекстуальной обусловленности. Проведенное исследование может способствовать развитию теории фреймового моделирования и уточнению культурно-обусловленных параметров систематизации абстрактных понятий.

Ключевые слова: фрейм, красота, слот, лингвокультура, гендерный аспект, русская литература, французская литература, сравнительный анализ

Для цитирования: Зиба В.С. Фреймовый анализ понятия «красота» в русской и французской лингвокультурах: гендерный аспект // Modern Humanities Success. 2025. № 4. С. 51 – 58.

Поступила в редакцию: 7 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 марта 2025 г.; Принята к публикации: 21 апреля 2025 г.

Frame analysis of the concept of "beauty" in Russian and French linguistic cultures: gender aspect

¹ Ziba V.S.,

¹ Volgograd State University

Abstract: the article is devoted to the frame analysis of the concept of "beauty" in Russian and French linguistic cultures, with special attention paid to the gender aspect. The research is aimed at identifying linguistic means representing male and female beauty in two cultures using the example of the terminal "face" using the method of frame modeling. The paper substantiates the choice of a frame approach that allows us to systematize the abstract concept of beauty through slots and their meanings. A structural model of the "beauty" frame is being developed, including the subframes "beauty (human)", "beauty (animals)", "beauty (nature)" and "beauty (artifacts)". The main focus is on the "beauty (human)" subframe, which is detailed through the slots "appearance", "mannerisms" and "additional characteristics". The results of the study demonstrate significant differences in the perception of beauty between the Russian and French linguistic cultures. In the 19th century, French descriptions emphasized classical ideals, while Russians combined physical parameters with psychological and social aspects. In the 20th century, there has been a unification of approaches, when beauty becomes less detailed, and its description shifts towards

psychological and contextual conditioning. The conducted research can contribute to the development of the theory of frame modeling and the refinement of culturally determined parameters of the systematization of abstract concepts.

Keywords: frame, beauty, slot, linguoculture, gender aspect, Russian literature, French literature, comparative analysis

For citation: Ziba V.S. Frame analysis of the concept of "beauty" in Russian and French linguistic cultures: gender aspect. Modern Humanities Success. 2025. 4. P. 51 – 58.

The article was submitted: January 7, 2025; Approved after reviewing: March 5, 2025; Accepted for publication: April 21, 2025.

Введение

Исторически представление в обществе о красоте претерпевало значительные изменения, эволюционируя от античных идеалов гармонии и симметрии до современных субъективных и культурно обусловленных стандартов. Понятие «красота» на протяжении веков занимало центральное место в философской, культурологической и лингвистической дискуссиях, оставаясь при этом одной из наиболее сложных и многогранных категорий человеческого восприятия. Каждая лингвокультура вырабатывает свое уникальное представление о красоте, которое находит отражение в языке: «представители определенной лингвокультуры, используя язык и осуществляя выбор тех или иных средств, речевых стратегий, тактик, демонстрируют тем самым сложившиеся в данном социуме убеждения, ценности и ожидания в области различных социальных проблем [1, с. 453], в том числе применительно к гендеру (например, гендерное равенство/неравенство, дискриминация)» [2, с. 567]. По мере развития эстетической науки сформировался подход, основанный на убеждении, что красота поддается системному анализу и может быть сведена к определенным универсальным параметрам, включая поиск ее фундаментальной основы [3, с. 132]. В представленном исследовании в процессе анализа понятия красоты используется метод фреймового моделирования, поскольку «фрейм в самом общем виде в различных науках описывает объект в виде атрибутов и их значений» [4, с. 304].

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной разработанностью лингвистического аспекта понятия «красота». До сих пор не существует четкой структуры данного понятия, не систематизированы языковые средства. Отсутствие целостного описания языковых механизмов, используемых для описания мужской и женской красоты, указывает на необходимость комплексного анализа, который позволит выявить закономерности структурирования понятия в языке.

Цель исследования состоит в выявлении и сравнительном анализе языковых средств, репре-

зентирующих мужскую и женскую красоту в русской и французской лингвокультурах с позиций фреймового подхода. В статье остановимся на характеристике отдельного структурного компонента фрейма «красота» – терминала «красота лица». Для достижения цели потребуется решить следующие задачи: обосновать выбор фреймового подхода и его применение в данном исследовании; представить структурную модель фрейма «красота»; выявить и классифицировать языковые единицы, репрезентирующие отдельный терминал фрейма, в сопоставляемых языках.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили тексты русской и французской художественной литературы двух хронологических периодов – XIX в. и XX в. Выбор представленных периодов обусловлен стремлением проследить развитие представлений о мужской и женской красоте в неблизко-родственных лингвокультурах разных эпох.

Основными методами в исследовании являются метод сплошной выборки, элементы метода компонентного анализа и сопоставительный метод.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении сведений в области использования фреймового подхода к анализу языковых фактов. Выявление закономерностей вербализации фрейма «красота» в двух лингвокультурах способствует развитию теории фреймового моделирования, уточнению культурно-обусловленных параметров систематизации абстрактных понятий, дальнейшей разработке методики межъязыкового анализа оценочных категорий.

Практическая значимость заключается в интеграции результатов в вузовские курсы по лексикологии, стилистике, теории межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистике, а также для создания тематических словарей и двуязычных справочников.

Результаты и обсуждения

По определению В.И. Карасика, фрейм является концептуальной моделью, используемой для фиксации и характеристики знаний (когнитивных репрезентаций), аккумулированных в сознании

человека [5, с. 152]. Основоположник фреймового подхода М. Минский ввел термин «фрейм» как структуру данных для моделирования знаний, представляющую собой сеть взаимосвязанных узлов с двухуровневой организацией: верхний уровень содержит фиксированные, универсально истинные характеристики ситуации, а нижний состоит из терминалов (слотов), заполняемых конкретными данными, определяющими специфические особенности объекта [6].

Обратимся к смоделированной на основе анализа фактического материала структуре фрейма «красота». Так, в структуре фрейма «красота» выделяется четыре субфрейма: «красота (человек)», «красота (животные)», «красота (природа)», «красота (артефакты)». Каждый субфрейм содержит в себе слоты, которые, в свою очередь, состоят из подслотов, а подслоты из терминалов. Кратко охарактеризуем субфрейм «красота (человек)». Данный субфрейм включает следующие слоты:

– *внешность* – фундаментальный слот, описывающий и характеризующий красоту человека через набор визуальных, эстетических и социально культурных признаков; не просто фиксирует объективные признаки, но и отражает их связь с культурными кодами, психологией восприятия и социальными контекстами, формируя многомерное представление о красоте. Данный слот включает в себя подслот «голова» (с терминалами *щеки, лицо, брови, глаза, нос*) и подслот «туловище» (с терминалами *плечи, шея, руки*);

– *манеры поведения* – один из важнейших слотов, выступающий ключевым компонентом, который связывает внешнюю привлекательность с внутренними качествами личности. Представленный слот позволяет отличить «статичную» красоту (объективную привлекательность) от «живой» (целостного впечатления), что особенно важно в межкультурных сопоставлениях. Описываемый слот, как правило, включает в себя только терминалы (*походка, жесты, мимика, осанка, движения*);

– *дополнительные характеристики* – один из системообразующих слотов, играющий ключевую роль в формировании комплексного представления о человеческой красоте, выходя за рамки только физических параметров. Через подслоты «возраст», «нравственные параметры (характер)», «социальный статус», «ситуативность», «одежда» указанный слот уточняет культурно-обусловленные социальные, моральные и контекстуальные аспекты в восприятии красоты.

В рамках нашего исследования рассмотрим подробно терминал «лицо» с целью выявления и систематизации языковых средств, репрезентирую-

щих параметры мужской и женской красоты в диахроническом и межкультурном аспектах.

В русской аристократической среде XIX века мужская красота выражалась через комплекс взаимосвязанных физических, экспрессивных и социальных характеристик, что демонстрируют следующие примеры:

В дверях послышалась легкая, мужская походка, бряцанье шпор, и красивый, румяный, с чернеющими усиками, видимо отдохнувший и выхли�ившийся на спокойном житее в Москве, вошел молодой граф; Он шел сдержанно, молодецкою походкой, которая была бы смешна, ежели бы он не был так хорош собой и ежели бы на прекрасном лице не было бы такого выражения добродушного довольства и веселья; Он вставал, подходил к зеркалу и долго смотрел на свое красивое, сухое и задумчиво-умное лицо; Курагин, гораздо выше его ростом, в адъютантском мундире стоял, тихо улыбаясь своим красивым лицом, небрежно слушая и оглядывая ложи; Борис был высокий белокурый юноша с правильными тонкими чертами спокойного и красивого лица – Николай был невысокий курчавый молодой человек с открытым выражением лица [7].

В представленных и аналогичных примерах в качестве ведущих средств объективации мужской красоты выступают следующие. Прежде всего следует выделить адъективы, либо именные сочетания, номинирующие красоту, привлекательность с учетом восприятия ее органами чувств (зрение): «красивый, румяный, с чернеющими усиками», «прекрасное лицо», «красивое, сухое и задумчиво-умное лицо». Данные конструкции подчеркивают как общую эстетическую оценку («красивый», «прекрасный»), так и конкретные физические особенности – цвет лица («румяный»), структуру черт («сухое», «правильные тонкие черты»). Отдельно следует выделить оценочные прилагательные с положительной коннотацией, указывающие не только на внешние данные, но и на внутреннее состояние: «спокойный», «правильный», «открытый», выражение лица: «добродушного довольства и веселья», «задумчиво-умное».

Характерно использование контекстуального противопоставления, где разные типы красоты лица («правильные тонкие черты» против «открытого выражения лица») подчеркивают индивидуальность. Косвенные характеристики красивого лица выражаются через социальный статус («молодой граф») и поведенческие паттерны («тихо улыбаясь», «небрежно слушая»).

Лицо красивой женщины того же периода предстает через тщательно описанные детали, где

важны не только статические черты, но и динамика живого выражения:

Скоро после дялюшки отворила дверь, по звуку ног очевидно босая девка, и в дверь с большим уставленным подносом в руках вошла толстая, румяная, красивая женщина лет 40, с двойным подбородком, и полными, румяными губами; Вдруг сердитое-беличье выражение красивого личика княгини заменилось привлекательным и возбуждающим сострадание выражением страха; Соня была тоненькая, миниатюрненькая брюнетка с мягким, оттененным длинными ресницами взглядом, густою черною косою, два раза обвивавшею ее голову, и желтоватым оттенком кожи на лице и в особенности на обнаженных худощавых, но грациозных мускулистых руках и шее [7]; Она покраснела, когда Вронский ввел Голенищева, и эта детская краска, покрывшая ее открытое и красивое лицо, чрезвычайно понравилась ему; Постанов ее головы на красивых и широких плечах и сдержанно-возбужденное сияние ее глаз и всего лица напомнили ему ее такую совершенно, какую он увидел ее на бале в Москве [8].

В качестве ведущих средств выражения красоты лица в данном случае выступают имена прилагательные, именные сочетания, которые, как и в рамках мужского лица, подчеркивают как общую эстетическую оценку («красивая», «привлекательное»), так и конкретные физические особенности – цвет лица, структуру черт, особенности взгляда: «толстая, румяная, красивая женщина», «полные, румяные губы», «сердитое-беличье выражение», «мягким, оттененным длинными ресницами взглядом». В качестве гендерно окрашенных средств следует назвать прилагательные *полные* (по отношению к губам), *мягкий* (по отношению к взгляду), *длинные* (по отношению к ресницам – преимущественно женское лицо), а также сложные прилагательные с использованием образа животных (например, белка).

Динамика красоты передается через глаголы и глагольные формы, демонстрирующие изменение выражения лица: «выражение... заменилось», «покраснела... покрывшая». Особое внимание уделяется цветовой палитре: от «желтоватого оттенка кожи» до «детской краски» на лице, что создает живописную и почти осязаемую красоту.

Таким образом, красота в русской лингвокультуре данного периода предстает как сложный синтез физических характеристик, эмоциональной выразительности и социальных маркеров. Красота мужского лица описывается через сдержанную экспрессию, подчеркивание социального статуса и структурные черты лица, при этом особое значе-

ние придается естественной, но ухоженной внешности. Красивое женское лицо, напротив, раскрывается через динамичную эмоциональность, физиологическую выразительность и изысканные детали, часто с использованием образов животных, подчеркивающих грацию.

Французский идеал мужской красоты XIX века заключается в сочетании классической гармонии, бледной утонченности и изысканной стильности, где лицо воспринимается как произведение искусства:

Ils trouvèrent un grand jeune homme, mis comme une poupée; ses traits offraient la perfection et l'insignifiance de la beauté grecque (черты лица сочетали в себе одновременно совершенство и пустоту греческой красоты); *Un joli jeune homme, avec des moustaches, très pâle et très élancé, entra vers les six heures et demie* (очень бледный и очень стройный) [9]; *Elle appuya ses deux mains sur les deux épaules du jeune homme, et le regarda fixement quelques secondes, comme ravie de sa bonne mine et du bon secours qu'il venait de lui porter* (всмаптриваясь в его приятные черты с восхищением) [10]; *Quant à la beauté de ce visage, c'était la beauté grecque dans toute la perfection de son type, avec ses grands yeux noirs veloutés, son nez droit, ses lèvres de corail et ses dents de perles* (что касается красоты этого лица, то это была греческая красота) [11].

В представленных примерах красота лица объективируется посредством сравнительных конструкций («beauté grecque» (греческая красота)), где определенные черты лица возводятся в ранг классического идеала. Цветовая палитра строится на контрасте бледности («très pâle» (очень бледный)) с насыщенными метафорическими описаниями отдельных черт – «grands yeux noirs veloutés» (большие бархатистые чёрные глаза), «lèvres de corail» (коралловые губы), «dents de perles» (жемчужные зубы), что создаёт эффект живописного лица, при этом в основе сравнений лежат дорогие и сами по себе красивые объекты (бархат, кораллы, жемчуг). Таким образом, отдельные черты лица («lèvres» (губы), «dents» (зубы)) становятся символами красоты в целом.

Красота женского лица в фактическом материале данного периода передается через утонченный и многогранный образ, где физическое совершенство неотделимо от эмоциональной выразительности:

Son beau visage suivait avec une mobilité singulière tous les caprices de sa chanson, depuis l'inspiration la plus échevelée jusqu'à la plus chaste dignité (красивое лицо с исключительной подвижностью) [10]; *Nous avons déjà dit avec quelle*

rapidité d'investigation d'Artagnan embrassait toute une physionomie; il vit donc du premier coup d'œil que la femme était jeune et belle. Or, cette beauté le frappa d'autant plus qu'elle était parfaitement étrangère aux pays méridionaux que jusque-là d'Artagnan avait habités. C'était une pâle et blonde personne, aux longs cheveux bouclés tombant sur ses épaules, aux grands yeux bleus languissants, aux lèvres rosées et aux mains d'albâtre (бледная и светловолосая особа) [12]; Sur ce dernier échelon de l'opprobre et du malheur, elle était toujours belle, ses grands yeux noirs paraissaient encore plus grands à cause de l'appauvrissement de ses joues, son profil livide était pur et sublime (ее бледный профиль был чистым и возвышенным) [10].

Как и в предыдущих примерах, основу составляют имена прилагательные, подчеркивающие эстетическое совершенство: «beau visage» (красивое лицо), «physionomie» (облик). Особую роль играют конструкции, раскрывающие динамику выражения лица: так, конструкция «une mobilité singulière» (исключительная подвижность) подчеркивает изменчивость, способность отражать эмоциональные нюансы от «l'inspiration la plus échevelée» (безудержного вдохновения) до «la plus chaste dignité» (строгой целомудренности). Цветовая палитра строится на контрастах: благородная бледность («pâle», «livide») сочетается с нежными оттенками – «lèvres rosées» (розовые губы), «yeux bleus languissants» (томные голубые глаза), создавая хрупкое совершенство. Важную роль играют сравнительные обороты и гиперболы: глаза «paraissaient encore plus grands à cause de l'appauvrissement de ses joues» (казались еще больше из-за осунувшихся щек). Детализация черт лица («grands yeux noirs», «profil livide») сочетается с обобщающими оценками («pur et sublime»), создавая эффект целостного восприятия.

Таким образом, анализ фактического материала показал существенные различия в восприятии и репрезентации красоты лица, отражающие гендерные стереотипы эпохи. Красота мужского лица предстает как статичное произведение искусства, воплощающее классические идеалы античности через метафоры греческой красоты («beauté grecque»). Привлекательность женского лица описывается как динамичный, эмоционально насыщенный феномен, где «mobilité singulière» лица отражает внутренние переживания. В рамках красоты мужского лица представлены преимущественно языковые единицы, номинирующие отдельные совершенные черты («dents de perles») как символы целого, в рамках красоты женского лица – единицы, указывающие на гармоничное сочета-

ние физических и духовных качеств («pur et sublime»).

В XX веке представления о мужской красоте становятся более сложными и психологически насыщенными, уходя от идеализированных классических образцов в сторону большей реалистичности. Красивое мужское лицо чаще сочетает внешнюю привлекательность с внутренней напряженностью:

Его слишком красивое лицо особенно сердито морщилось, когда Клим подходил к Лидии, но девочка разговаривала с Климом небрежно; Он встряхивал головою, двуцветные волосы падали на лоб и щеки ему, резким жестом руки он отбрасывал их, лицо его стало еще красивее и как-то острей [13]; Почувствовав, что его рассматривают, он жестче нахмурил одутловатое красивое лицо; Даша, прислонившись затылком к дверной обочине, глядя на темное, красивое лицо этого человека, с тонким очертанием приподнятого носа, маленького припухлого рта, нежного подбородка, – неожиданно спросила [14]; Я нашла, что он почти не изменился. То же красивое, честное, решительное лицо, самое честное из всех лиц, виденных мною на свете [15].

Сложное восприятие красивого мужского лица передается через оксюморное сочетание «мрачное красивое лицо». Динамика в выражении лица объективируется через глагольные единицы: «морщилось», «встряхивал головою», «нахмурил», представляющие красоту не как статичное качество, а как изменчивое проявление эмоций. Детализация черт лица («тонкое очертание приподнятого носа», «маленький припухлый рот», «нежный подбородок») создает портретную конкретность, уходя от абстрактных идеалов в сторону индивидуальной характеристики. Помимо этого, в качестве средств-репрезентантов отмечены сравнительные конструкции, также выражающие динамику («лицо стало еще красивее и как-то острей»), и суперлативы, указывающие на дополняющие красоту духовно-нравственные качества («самое честное из всех лиц, виденных мною на свете»). Зрительную выразительность придают цветовые и фактурные характеристики («темное»).

Красота женского лица аналогичного периода репрезентируется иначе, чем в предыдущий период. Красивое лицо – это уже не безупречная маска, а живое, изменчивое «лицо эпохи», отражающее ее сложность:

Красивое лицо ее бледнело, брови опускались; вскинув тяжелую, пышно причесанную голову, она спокойно смотрела выше человека, который рассердил ее, и говорила что-нибудь коротенькое, простое; Красота являлась непрерывным источ-

ником непрерывной тревоги для девушки, Алина относилась к себе, точно к сокровищу, данному ей кем-то на краткий срок и под угрозой отнять тотчас же, как только она чем-нибудь испортит **чарующее лицо свое** [13]; **Молодое, круглое, красивое лицо** ее было испуганно, губы плотно сжаты [14]; **Старшая, Вера, пошла в мать, красавицу англичанку, своей высокой гибкой фигурой, нежным, но холодным и гордым лицом, прекрасными, хотя довольно большими руками и той очаровательной покатостью плеч, какую можно видеть на старинных миниатюрах** [16].

В качестве языковых средств в данном случае отмечены единицы, подчеркивающие динамику и передающие не столько статичную привлекательность, сколько изменчивые эмоциональные состояния: «красивое лицо ее бледнело», «молодое, круглое, красивое лицо... было испуганно», где физическая красота напрямую связывается с внутренним состоянием. Отдельно следует выделить единицы, указывающие на такие дополнительные характеристики, как моральные и нравственные принципы – «нежное, но холодное и гордое лицо», демонстрирующие сочетание красоты со сдержанностью. Эффект живого, подвижного лица, когда красота проявляется в движении и выражении, передается через глагольные формы, фиксирующие мимическую динамику: «брови опускались», «губы плотно сжаты», «вскинув... голову». Ритмичный рисунок, акцентирующий ключевые детали, создается благодаря инверсии («красивое лицо ее бледнело»), обособленных конструкций («вскинув... голову»), а также развернутых перечислений. Характерно, что красота часто описывается через ее уязвимость («под угрозой отнять», «испуганно»).

Фактический материал французского языка XX века демонстрирует заметное снижение интереса к детальным описаниям мужской и женской красоты, что отражает общую тенденцию к демистификации внешнего облика и переносу внимания на социальные и психологические аспекты:

*C'était un grand seigneur et un bel homme. D'une taille au-dessus de la moyenne, **d'un visage agréable, malgré le front dur et des yeux un peu froids** (красивый мужчина... с приятным лицом) [17]; **Grand, avec une belle tournure, un visage pensif et fin aux longues moustaches blondes, au regard bleu et désenchanté, d'une politesse raffinée, causeur comme nous n'en avons jamais entendu, il était aux yeux de ma famille, qui le citait toujours en exemple, le type de l'homme d'élite, prenant la vie de la façon la plus noble et la plus délicate** (с красивыми чертами лица, задумчивым и тонким лицом) [18].*

В приведенных примерах ведущими средствами выступают оценочные прилагательные общего характера («*bel homme*», «*visage agréable*», «*belle tournure*»), лишённые избыточной поэтизации и конкретных визуальных деталей. Данные нейтральные определения часто сопровождаются уточняющими конструкциями с «*malgré*» или «*avec*», вводящими психологические нюансы («*malgré le front dur et des yeux un peu froids*», «*avec une belle tournure... pensif et fin*»), что создает эффект сбалансированного, лишённого идеализации восприятия красоты. Важную роль играют метонимические замены, когда отдельные элементы лица становятся символами характера, например, конструкция «*regard bleu et désenchanté*» передает не столько цвет глаз, сколько мировоззренческую позицию.

В фактическом материале XX века, в отличие от объективации преимущественно романтической красоты женского лица в материале XIX века, акцент смещается с безупречных черт на их выразительность и эмоциональную глубину:

*La Sorelli [...] est une danseuse grande, belle, **au visage grave et voluptueux**, à la taille aussi souple qu'une branche de saule [...] Ses cheveux blonds et purs comme l'or couronnent un front mat au-dessous duquel s'enchaînent deux yeux d'émeraude (с серьезным и чувственным лицом) [17]; Certes, **le beau visage de ma mère brillait encore de jeunesse ce soir-là où elle me tenait si doucement les mains et cherchait à arrêter mes larmes ; mais justement il me semblait que cela n'aurait pas dû être, sa colère eût été moins triste pour moi que cette douceur nouvelle que n'avait pas connue mon enfance** (прекрасное лицо моей матери все еще светилось молодостью в тот вечер) [18].*

Соединение внешней привлекательности и внутренней экспрессии происходит благодаря языковым средствам, уточняющим характеристику красивого лица посредством контрастных адъективов: «*visage grave et voluptueux*» – серьезное и чувственное лицо; указанием на возраст: «*beau visage... brillait de jeunesse*» – красивое лицо... сияющее молодостью. Как и ранее, для передачи мимолетности красоты женского лица, многогранности применяются глагольные формы – «*brillait de jeunesse*» и «*s'enchaînent*», параллельные конструкции – «*grave et voluptueux*», а также сложно-подчиненные предложения с контрастными смыслами.

Таким образом, в фактическом материале XX века происходит принципиальная трансформация в репрезентации красоты человека, связанная с изменениями в обществе, философским и художественным сознанием эпохи. Как в русской, так и

во французской лингвокультуре наблюдается отход от статичных идеализированных представлений о красоте лица в сторону психологически насыщенных, динамичных и зачастую противоречивых. Если в русском языке в описании мужского красивого лица акцент смещается с классических пропорций на выразительность и характер, то во французском значимость имеет физическая красота с лаконичными, почти схематичными характеристиками («bel homme», «visage agréable»). Представления о красоте женского лица претерпевают аналогичную трансформацию: из объекта эстетического любования оно превращается в сложный психологический феномен. Таким образом, в русской лингвокультуре подчеркивается изменчивость и уязвимость женской привлекательности, в то время как во французской – внешнее совершенство лица («beau visage»), соотносимое с внутренним состоянием («brillait de jeunesse»).

Выводы

Проведенное исследование продемонстрировало, что развитие представлений о красоте лица в

русской и французской лингвокультурах периодов XIX и XX веков отражает глубокие социокультурные трансформации. В XIX веке наблюдаются значительные межкультурные различия: французская традиция акцентирует внимание на классических идеалах, тогда как в русской лингвокультуре находит отражение сочетание физических параметров (применительно к красоте) с психологическими и социальными характеристиками. Гендерная специфика проявляется в объективации красоты мужского лица через статусные и интеллектуальные качества, женского – через динамичную эмоциональность и физиологическую выразительность. В XX веке происходит унификация процессов восприятия красоты и красота лица в обеих лингвокультурах становится менее детализированной, а также контекстуально обусловленной. Набор языковых средств также изменяется – от развернутых детализированных конструкций к лаконичным характеристикам, от статичных описаний – к динамическим, от объективных оценок – к субъективным восприятиям.

Список источников

1. Шамне Н.Л., Милованова М.В. Отдельные аспекты вариативности лексических соответствий в русском и немецком языках // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 453 – 455.
2. Шамне Н.Л. Некоторые особенности отражения процессов гендерной стереотипизации в русском и немецком языках // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107). С. 567 – 569.
3. Митина И.Д., Мартыненко А.В., Моисеева М.В. Анализ и интерпретация произведений культуры в контексте культурологического подхода: учеб. пособие. Ульяновск: УлГУ, 2013. С. 372.
4. Рыжов С.А. Некоторые особенности репрезентации образа звезды (знаменитости) в русском языке (на материале современных СМИ) // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5 (96). С. 304 – 306.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002. С. 476.
6. Минский М. Фреймы для представления знаний: пер. с англ. Москва: Энергия, 1979. С. 152.
7. Толстой Л.Н. Война и мир в 4 т. Т. 1 и 2. Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 583. URL: <https://urait.ru/book/voyna-i-mir-v-4-t-toma-1-i-2-566790> (дата обращения: 26.12.2024)
8. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 717. URL: <https://urait.ru/book/anna-karenina-567152> (дата обращения: 10.12.2024)
9. Stendahl. Le Rouge et le Noir. Paris, Le Divan, 1927. URL: <https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Stendhal-rouge.pdf> (дата обращения: 26.12.2024)
10. Hugo V. Notre-Dame de Paris. Jacques Seebacher éd., Bibliothèque de la Pléiade, Gallimard, Paris, 1975. URL: https://www.atramenta.net/lire/notre-dame-de-paris/3427/2#oeuvre_page (дата обращения: 21.12.2024)
11. Dumas A. Le Comte de Monte-Cristo. Préface de Didier Decoin, L'Archipel, 1998. URL: https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Dumas_Le_comte_de_Monte_Cristo_1.pdf (дата обращения: 21.12.2024)
12. Dumas A. Les Trois Mousquetaires. Collection Bouquins, Éditions Robert Laffont, 1991. URL: https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Dumas_Les_trois_mousquetaires_2.pdf (дата обращения: 21.12.2024)
13. Пешков А.М. (Максим Горький) Жизнь Клима Самгина Часть 2 / А. М. Пешков (Максим Горький). Санкт-Петербург: Лань, 2013. С. 337. URL: <https://e.lanbook.com/book/37722> (дата обращения: 20.12.2024)
14. Толстой А.Н. Хождение по мукам. Книга 1. Сестры. Москва: НЭБ Свет, 2020. С. 826. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000025753/ (дата обращения: 20.12.2024)
15. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. Москва. С. 431. URL: <https://azbyka.ru/fiction/doktor-zhivago-pasternak/#toc> (дата обращения: 21.12.2024)

16. Куприн А.И. Гранатовый браслет. Избранные произведения. Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 332. URL: <https://urait.ru/viewer/granatovyy-braslet-izbrannye-proizvedeniya-567232> (дата обращения: 20.12.2024)
17. Leroux G. Le Fantôme de l'opéra, Le Livre de poche, n 509, L.G.F., Paris. URL: <https://beq.ebooksgratuits.com/auteurs/Leroux/Leroux-fantome-xpdf.pdf> (дата обращения: 20.12.2024)
18. Proust M. À la recherche du temps perdu, J.-Y. Tadié éd., Bibliothèque de la Pléiade, Gallimard, Paris, 1987-1989. URL: <https://alarecherchedutempsperdu.org/> (дата обращения: 20.12.2024)

References

1. Shamne N.L., Milovanova M.V. Certain aspects of variability of lexical correspondences in Russian and German. World of science, culture, education. 2024. No. 3 (106). P. 453 – 455.
2. Shamne N.L. Certain features of reflection of processes of gender stereotyping in Russian and German. World of science, culture, education. 2024. No. 4 (107). P. 567 – 569.
3. Mitina I.D., Martynenko A.V., Moiseeva M.V. Analysis and interpretation of cultural works in the context of cultural approach: textbook. manual. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2013. P. 372.
4. Ryzhov S.A. Some Features of Representation of the Image of a Star (Celebrity) in the Russian Language (Based on Modern Mass Media). The World of Science, Culture, Education. 2022. No. 5 (96). P. 304 – 306.
5. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse: Monograph. Volgograd: Peremena, 2002. P. 476.
6. Minsky M. Frames for Representing Knowledge: Trans. from English. Moscow: Energiya, 1979. P. 152.
7. Tolstoy L.N. War and Peace in 4 volumes. Vol. 1 and 2. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. Page 583. URL: <https://urait.ru/book/voyna-i-mir-v-4-t-toma-1-i-2-566790> (date of access: 26.12.2024)
8. Tolstoy L.N. Anna Karenina. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. P. 717. URL: <https://urait.ru/book/anna-karenina-567152> (date of access: 10.12.2024)
9. Stendahl. Le Rouge et le Noir. Paris, Le Divan, 1927. URL: <https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Stendhal-rouge.pdf> (access date: 12.26.2024)
10. Hugo V. Notre-Dame de Paris. Jacques Seebacher éd., Bibliothèque de la Pléiade, Gallimard, Paris, 1975. URL: https://www.atramenta.net/lire/notre-dame-de-paris/3427/2#oeuvre_page (access date: 21.12.2024)
11. Dumas A. Le Comte de Monte-Cristo. Didier Decoin's Preface, L'Archipel, 1998. URL: https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Dumas_Le_comte_de_Monte_Cristo_1.pdf (accessed on 21.12.2024)
12. Dumas A. Les Trois Mousquetaires. Collection Bouquins, Éditions Robert Laffont, 1991. URL: https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Dumas_Les_trois_mousquetaires_2.pdf (accessed on 21.12.2024)
13. Peshkov A.M. (Maxim Gorky) The Life of Klim Samgin Part 2 / A. M. Peshkov (Maxim Gorky). Saint Petersburg: Lan, 2013. Page 337. URL: <https://e.lanbook.com/book/37722> (date of access: 20.12.2024)
14. Tolstoy A.N. The Road to Calvary. Book 1. Sisters. Moscow: NEB Svet, 2020. Page 826. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000025753/ (date of access: 20.12.2024)
15. Pasternak B.L. Doctor Zhivago: a novel. Moscow. P. 431. URL: <https://azbyka.ru/fiction/doktor-zhivago-pasternak/#toc> (date of access: 21.12.2024)
16. Kuprin A.I. Garnet Bracelet. Selected Works. Moscow: Publishing House Yurait, 2025. P. 332. URL: <https://urait.ru/viewer/granatovyy-braslet-izbrannye-proizvedeniya-567232> (date of access: 20.12.2024)
17. Leroux G. Le Fantôme de l'opéra, Le Livre de poche, n 509, L.G.F., Paris. URL: <https://beq.ebooksgratuits.com/auteurs/Leroux/Leroux-fantome-xpdf.pdf> (access date: 12.20.2024)
18. Proust M. À la recherche du temps perdu, J.-Y. Tadié ed., Bibliothèque de la Pléiade, Gallimard, Paris, 1987-1989. URL: <https://alarecherchedutempsperdu.org/> (access date: 12.20.2024)

Информация об авторе

Зиба В.С., ассистент, Волгоградский государственный университет, vsziba@volsu.ru

© Зиба В.С., 2025